

СЛОВО И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

УДК 81'119

МОДЕЛЬ НЕОБХОДИМЫХ И ДОСТАТОЧНЫХ УСЛОВИЙ В. НИКЕСА: АЛЬТЕРНАТИВА ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ

Н.П. Анисимова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье приводятся основные положения модели необходимых и достаточных условий как альтернативы теории прототипов

Ключевые слова: категоризация, теория прототипов, когнитивизм, структурализм, семантика

Вопросы, связанные с проблемой категоризации, остаются предметом дискуссий отечественных и зарубежных лингвистов. В противоположность теории прототипов, в современной французской лингвистике предлагается подход к решению проблемы категоризации, разработанный В. Никесом. Будучи последователем идей Ж. Клейбера, В. Никес противопоставляет подходу к категоризации с позиции теории прототипов модель необходимых и достаточных условий (*modèle des conditions nécessaires et suffisantes – CNS*) (здесь и далее перевод мой – Н.А.). Как указывает В. Никес, лексическая семантика приняла в последнее время теорию прототипов, отвергая традиционные подходы, поскольку они очерчивают лишь общие свойства для всех экземпляров категории. В теории, предложенной В. Никесом, предпринимается попытка подхода к категоризации в рамках расширенной и обновленной модели *CNS*.

Вслед за Ж. Клейбером [2] В. Никес полагает, что ни стандартная теория прототипов, ни ее расширенная модель не позволяют создать оперативную модель категоризации. Стандартная версия, по его мнению, не в состоянии дать оперативный ответ на вопрос: «Что такое птица?» [4], поскольку одновременно следует ответить на вопрос «Что не является птицей?». Ответ, который может предложить стандартная теория: «Птица – это нечто, что похоже на прототип птицы, например, на воробья», не будет удовлетворительным, поскольку невозможно предположить, что все, что похоже на воробья, является птицей, так же как не все золото, что блестит [цит. раб.: 101]. Расширенная модель также не может быть признана оперативной, поскольку она основывается на «подобии в энной степени»: если *A* похоже на *B* и *B* похоже на *C*, нельзя утверждать, что *A* похоже на *C*. Так, отец вовсе необязательно похож на мать. Таким образом, делается вывод о том, что когнитивная семантика не располагает теорией *минимума* подобия, которая могла бы обеспечить ей оперативный анализ. Остаются без ответа два основных вопроса.

Начиная с какой степени подобия (подобие по отношению к прототипу в случае стандартной теории и по отношению к примеру категории, в расширенной модели) некий объект экстралингвистической реальности, или опыта будет входить в ту или иную категорию?

И наоборот, начиная с какой степени различия, он будет исключен из категории?

Отсутствие *минимума* подобия и способа его *измерения* не позволяет теории прототипов предсказать и убедительно объяснить результат категоризации. Отказ от какого-либо способа верификации предполагает, что когнитивная семантика игнорирует это необходимое условие всякого научного рассуждения [цит. раб.: 102].

Принятое в когнитивной лингвистике построение категорий на основании индивидуальной психологической структуры также представляется дискуссионным. Теория прототипов не в состоянии объяснить, почему члены данного языкового сообщества понимают друг друга. Это взаимопонимание не может быть случайным: следует признать, что существуют некие объективные и оперативные критерии, которыми руководствуются члены языковой группы при обозначении чего-то. Следовательно, относительная стабильность обозначений внутри языковой группы отсылает к феноменам коллективного сознания, относящимся не к самой объективной реальности, но к опыту данной языковой группы [там же].

Продолжая традицию критики теории прототипов Р. Мартэна [3], Ж. Клейбера [2] и многих других, В. Никес различает языковые и доязыковые категории. Он не принимает постулат когнитивной лингвистики, по которому доязыковые и языковые категории строятся по одному принципу, причем языковые категории являются отражением (проекцией) доязыковых. Признаётся некая форма ментальной доязыковой категоризации, но отвергается принцип прямого её отражения в языковых категориях. Языковые (лингвистические) категории имеют социальный или «групповой» характер, будучи выработанными носителями языка в ходе истории общества с целью координации их взаимодействия. Доязыковые категории являются, в свою очередь, категориями перцептивными, индивидуальными. Следовательно, природа индивидуального и «языкового» познания (социального и интериндивидуального) основана на разных принципах. Перцептивные категории происходят из индивидуальной чувственной деятельности, тогда как семантические категории есть результат скоординированной коллективной деятельности, структурированной и обусловленной языковой деятельностью. Оба эти вида категоризации взаимосвязаны. Представляется невозможным внедриться в доязыковую, чисто перцептуальную область человеческого познания, поскольку ощущения, доступные нам, уже выражаются и структурируются языковым познанием. Нам гораздо проще обращаться к семантическим категориям, которые представляют изначальный эмпирический материал. Эти категории наследуют индивидуальный чувственный опыт, который, в свою очередь, постоянно преобразуется социальной категоризацией дискурсивного характера, определяющей наши взаимодействия с себе подобными 4: 105].

Основным аргументом, выдвигаемым теорией прототипов против модели *CNS*, является объективистский подход к значению. Как показал Ж. Клейбер [2], модель *CNS* не предполагает обязательного объективизма, поскольку семанти-

ческие признаки (черты), предлагаемые, например, европейской структурной семантикой, могут иметь явно выраженный интеракциональный характер. Так, признак «чтобы сидеть» характеризует категорию «сиденья» (стул, кресло) в теории Б. Потье [5]. Учитывая дифференциальный характер значения в структурной семантике, следует заметить, что в ее рамках для описания значения лексемы учитываются признаки, противопоставляющие или отделяющие ее значение от значения других лексем, но не признаки, идущие впрямую от ее сравнения с «реальностью». Таким образом, структурный анализ есть лишь метод описания и анализа лексических означаемых, не предполагающий прямого онтологического подхода [4: 106].

В свою очередь, теории прототипов не смогли противопоставить себя объективистскому подходу. Так, стандартная теория, стараясь переделать на других основаниях и во что бы то ни стало традиционные категории, не смогла преодолеть традиционного их выделения, лишь изменив основания процесса категоризации. Что же касается расширенной версии, то она, порвав с классическими категориями, отказалась от размышлений о том, как языковые значения соотносятся с действительностью (или с нашим опытом действительности).

Основная причина, по которой, как считает В. Никес, когнитивная лингвистика не смогла предложить оперативной модели категоризации, заключается в том, что она осталась в рамках психологических исследований индивидуального ощущения, не проводя различия между языковыми и доязыковыми категориями, не задумываясь о коллективных основаниях языковых значений и не соотнося их с человеческой деятельностью. Таким образом, происходит смешение плана описательного (дескриптивного) – опыта индивида – и плана объяснительного [там же].

Когнитивная лингвистика не довела до конца критику объективизма, остановившись на предостережении от *реализма качеств*, предполагающего, что мы познаем мир *объективно*. Постулируя обусловленность наших ощущений свойствами нашей познавательной системы, она не задалась вопросом о том, что само наше восприятие (*décourage*) мира, производимое через ощущения, зависит от свойств нашей познавательной способности. В свою очередь, это восприятие, реализованное в языках, есть функция нашего взаимодействия с себе подобными. За исключением некоторых замечаний, которые можно рассматривать как попытку обращения к «онтологическому восприятию», когнитивная семантика не подвергает сомнению идею, что воспринимаемые нами сущности окружающего мира, которые мы означиваем словами, объективно существуют как таковые, независимо от нашего восприятия и нашего взаимодействия с другими, то есть как сущности заранее установленные и объективно существующие. Несмотря на весь свой пыл, с которым она обрушивается на объективизм, стандартная теория остается в рамках *реализма сущностей* или *количеств* [цит. раб.: 108].

Суммируя критический анализ теории прототипов, проведенный В. Никесом, можно следующим образом обозначить ее основные недостатки:

- теория не оперативна;

- отсутствуют минимумы категоризации и способы измерения подобия;
- не различаются языковые и доязыковые категории;
- теория прототипов не преодолела объективистского подхода.

Как уже было отмечено, для решения проблемы категоризации вместо теории прототипов В. Никес предлагает использовать преобразованную и расширенную модель необходимых и достаточных условий (*CNS*). Сначала следует определить форму «знания» этих необходимых и достаточных условий в языковой компетенции носителей языка. Естественно, это не может быть форма словарных дефиниций, поскольку нельзя предположить, что всякий носитель языка в состоянии изложить непосредственно критерии дефиниции категории. Однако, как замечает Ж. Клейбер, говорящий способен определить, корректна данная дефиниция или нет.

«Факт возможности отвергнуть дефиницию, которая представляется неадекватной, предполагает существование в компетенции говорящего референциальной определительной модели неверно определенного слова и дает явное указание на направление для нахождения правильной дефиниции» [2: 28].

В. Никес видит «определяющую компетенцию» говорящего как «спящий капитал», который «просыпается» лишь в конкретной ситуации. Если мы попросим говорящего дать определение *собаки*, то он окажется в очень трудном положении, так как следует дать абсолютное определение, в отрыве от какого-либо контекста. Однако это не составит для него труда, если надо объяснить ребенку на улице, почему данное животное кошка, а не собака. В принципе, говорящий обладает определятельными критериями, но не может их вербализовать, поскольку не имеет прямого доступа к параметрам, позволяющим структурировать лингвистически его знания о мире. Он имеет доступ лишь к результатам структурирования, или, точнее, к опыту, полученному в результате этого структурирования [цит. раб.: 111].

Учитывая возможные неудачи в формировании дефиниций респондентами – низкий культурный уровень, или, наоборот, влияние словарных дефиниций – В. Никес предлагает для тестирования категоризации вопросы следующего типа.

Может ли, по вашему мнению, существовать класс *x*, которые не /предикат *A*/? (например: *птицы*, которые не *летают*).

Может ли, по вашему мнению, существовать класс *x*, которые не /предикат *B*/? (например: *птицы*, которые не имеют *клюва*).

Затем следует по-разному обработать ответы типа «нет, иначе это не *x*», которые свидетельствуют о подлинных определятельных признаках, и ответы типа «не знаю» или даже «не думаю», которые предполагают «я могу ошибаться». Ответы второго типа соответствуют, скорее, «дополнительным», или «энциклопедическим» признакам. [цит. раб.: 113].

Признание наличия у носителей языка определятельной компетенции позволяет восстановить отброшенное когнитивной лингвистикой традиционное различие между *языковыми (лингвистическими) дефинициями* – понимаемыми как конфигурации определятельных черт в форме *CNS* – и *энциклопедическими*

дефинициями, которые представляют собой *описания (descriptions)* и объединяют необязательные черты [там же]. Подчеркивается, что языковые дефиниции не оторваны от опыта. Это связанные между собой знания о мире и знания о языке, которые одновременно структурируют наш опыт о мире и о языке.

Для решения проблем категоризации, как полагает В. Никес, можно обойтись без лингвистического эксперимента. По крайней мере, для достижения удовлетворительных результатов при анкетировании необходимо располагать минимальной теорией построения категорий, которая дополнит традиционную модель *CNS*. С другой стороны, признается нерелевантность традиционной теории при категоризации «сложных случаев» (например, многократно дискутируемый случай с категоризацией *птицы*). Таким образом, и модель *CNS*, и теория прототипов не в состоянии учесть разнообразие процессов, лежащих в основе категоризации, поскольку и та и другая пользуются лишь информацией, доступной восприятию носителей языка, без учета *историчности (historicité)* языковых значений. В общем виде В. Никес констатирует, что когнитивная семантика постоянно пренебрегает неоднородным, «слоистым» (*schisteux*) характером языковых категорий, обусловленным комплексным влиянием социальной стратификации и исторических наслоений [цит. раб.: 114].

Логика языковой категоризации может открыться лишь через «археологические» исследования с целью понять наличествующие на данный момент категории в наших языковых традициях, для чего следует соотносить категориальные феномены с условиями их формирования и развития, то есть с их основополагающими принципами. Семантика призвана сыграть решающую роль в выяснении этих принципов, так как они, как правило, скрыты в культурном и языковом прошлом человеческих сообществ.

Поэтому В. Никес предлагает рассматривать языковые категории как объекты, исторически обусловленные *означающими установками (instances désignatrices)*. В свою очередь *означающие установки* (термин, трудно поддающийся переводу на русский язык – Н.А.), определяются отношением к области деятельности и опыта, специфической в каждой языковой общности. Они наследуют предшествующие языковые и когнитивные традиции [там же]. Введение этого термина, по мнению автора, позволяет «распутать» категориальную расплывчатость (“*le flou catégoriel*”), выделяя различные *означающие установки* и области деятельности, соответствующие различным категориальным построениям. Так, например, можно провести различие между категорией *птица* в ее зоологическом понимании, соотнося ее с критериями естественной истории, и обычной категорией *птица*, соответствующей бытовому опыту наших умеренных стран.

Процесс категоризации предлагается представить в виде трехуровневой модели, которая предполагает:

1) план когнитивных операций, соответствующий *перцептивной категоризации*;

2) план операций языковой (лингвистической) категоризации, где применяются категориальные критерии или «определяющие признаки (черты)» (CNS), усвоенные говорящими и происходящие от их определительной компетенции, но не доступные анализу или интроспекции;

3) план исторического построения языковых категорий, которые формируются общим социальным опытом и потребностями согласованной деятельности. Принципы их организации не могут быть непосредственно выделены синхроническим анализом, Они должны быть соотнесены с *означающими установками*, являющимися, в конечном итоге, «строителями лексики» [цит. раб.: 115].

В приложении к теориям прототипов эта модель оказывается редуцированной: второй уровень накладывается на первый, а третий игнорируется. Неразличение этих трех уровней приводит к тому, что стандартная версия теории прототипов признает существование некоего *черного ящика*, в котором неясные и возможно случайные механизмы проводят различие между объектами, достаточно похожими на прототип и включаемыми поэтому в категорию, и теми, которые не обладают необходимой степенью подобия и, соответственно, исключаются из нее. Представляется, что теоретики стандартной версии не могут объяснить, *как* происходит этот таинственный отбор. Расширенная версия теории прототипов тоже сохраняет идею *черного ящика*, с тем отличием, что прототип меняется при семантической деривации [там же].

Выделение трех оперативных планов позволяет В. Никесу выделить три плана «субъектности»:

1) план *перцептивных субъектов* (*sujets perceptifs*);

2) план *языковых (лингвистических) субъектов* (*sujets linguistiques*), то есть человеческих индивидов, рассматриваемых как члены языкового сообщества, знающие и использующие данный язык;

3) план *означающих установок* (*instances désignatrices*), понимаемых как совокупности социально структурированных субъектов, которые в состоянии скоординировать деятельность их членов через принятие ими способов означивания.

Означающие установки по отношению к семантическим категориям являются тем же, что и говорящие по отношению к их собственной речи. Если говорящие – продуценты (acteurs) речи, то означающие установки – продуценты языка.

Модель, предложенная В. Никесом, предполагает использование традиционного структурального подхода в его «модернизированной» форме: в анализ включаются «доязыковые» процессы (уровень перцептивных субъектов), категоризация в языке (уровень языковых субъектов), в конечном итоге определяется семантическими категориями, выводимыми за счет означающих установок (уровень социально структурируемых субъектов).

На наш взгляд, эта модель представляет собой попытку интегрирования в структуралистскую схему аспектов анализа, отвергнутых было ортодоксальным структурализмом: психологичности, историцизма, социальных факторов. Как

пишет Ф. Дос в своей «Истории структурализма» [1: 11], «покойник еще ворочается» – и как знать, может быть на пороге третьего тысячелетия подобные интегрирующие попытки ему дадут вторую жизнь?

Список литературы

1. *Dosse F.* Histoire du structuralisme. Paris: La Découverte, 1992. Т. 1. 472 p.
2. *Kleiber G.* La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical. Paris: PUF, 1990. 199 p.
3. *Martin R.* Théories linguistiques // Les sciences du langage en France au XX-ème siècle. Paris: PEETERS/SELAF, 1991. P. 28–77.
4. *Nyckees V.* Catégories sémantiques et historicité des significations // Histoire. Epistémologie. Language, 1997. Т. 19. Fasc. 1. P. 97–119.
5. *Pottier B.* Théorie et analyse en linguistique. Paris: Hachette, 1987. 224 p.

NYCKEES'S MODEL OF NECESSARY AND SUFFICIENT CONDITIONS: ALTERNATIVE TO THE PROTOTYPES THEORY

N.P. Anisimova

Tver State University, Tver

The paper explores the model of necessary and sufficient conditions as alternative to the prototype theory.

Key words: *categorization, prototypes theory, cognitivisme, structuralisme, semantics*

Об авторе: АНИСИМОВА Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета; *e-mail:* npanis@inbox.ru